

УДК 840(091)

АНИМАЛИСТИКА ФРАНСУА МОРИАКА (на материале «Bloc-notes»)

Е.А. Воронина

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Нижний Новгород*

«Bloc-notes» (1952-1970) Ф. Мориака – крупнейший сборник статей знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии. Ангажированный писатель-публицист, Мориак создает актуальные и образные комментарии к политике, истории и морали, постоянно обращаясь «внутрь себя». Система анималистических образов служит иллюстрацией общественных законов и несет значительную моральную нагрузку, призывая человека к борьбе с внутренним зверем.

Ключевые слова: полемика, анималистический образ, закон взаимного пожирания.

Animalistic Imagery in François Mauriac's *Bloc-Notes* Elena Voronina

F. Mauriac's *Bloc-Notes* (1952-1970) is the biggest collection of articles of the eminent French novelist and Nobel Prize winner. As an “engaged” writer and publicist, he provides an acute commentary on politics, history and morality, constantly referring to his inner world. Animalistic characters illustrate human laws and contain a significant moral element, urging people to fight their “inner beast.”

Key words: polemics, animalistic image, law of mutual devouring.

Уникальность Франсуа Мориака (1885-1970), писателя, удостоенного Нобелевской премии за романное творчество, в том, что он не только знаменитый романист, но и один из лучших публицистов Франции, продолжатель традиций Паскаля, Вольтера, Шатобриана и Гюго. По объему публицистика составляет более половины всего, созданного писателем. Наиболее значительное публицистическое произведение Мориака «Bloc-notes» представляет собой собрание статей, написанных в последние восемнадцать лет жизни писателя (1952-1970 гг.) для известных французских периодических изданий: *La Table Ronde* (1952-53), *L'Express* (1954-1961), *Le Figaro Littéraire* (1961-1970). «Bloc-notes» – это художественная система, в которой кристаллизуется особый творческий метод Мориака-публициста. Полемичность статей, составляющих сборник, рождается из слияния христианского мировосприятия и морально-философской концепции

писателя [1]. Он задается паскалевским вопросом: «Что же будет с человеком? Приравняется ли он Богу или животному?» [2] и выстраивает систему образов «Bloc-notes» в соответствии со своей позицией ангажированного писателя.

Изначально журналистика Мориака связана с автобиографической проблематикой. Он мог бы отнести к себе и «Bloc-notes» знаменитое высказывание Монтеня: «Я сам есть материя моих книг». С первых страниц «Bloc-notes» мотив детства образует постоянную систему отсчета, поэтому для писателя естественно возвращаться в знакомый ему с самого начала мир природы. С течением лет избирательная память выводит на первое место наиболее давние воспоминания, как это свойственно натуре писателя, осознанно становясь принципом его манеры письма: «Моя память играет со мной. Она ревниво замкнулась на персонажах и лесах из моего детства и юности, как будто ей не хочется больше видеть ничего за пределами того мирка ..., сгорающего от жары изнуряющего лета» [3. Т. I. 225]. Этим воспоминаниям благоприятствовали поездки уже взрослого Ф. Мориака на «малую родину», еще сохранявшую «сельскость» и нетронутость природы. Там он снова и снова погружается в мир детства, отмеченный трудными отношениями со сверстниками, любовью к уединению, благоприятствовавшему созерцанию живых существ и явлений. Множеством нитей воображения он связан с животным миром, и этот мир, постоянно окружавший Мориака-ребенка, переселяется в его романы и публицистику, служа источником для образов, сравнений и метафор.

«Bloc-notes» Ф. Мориака содержит богатый набор анималистических образов. В этом видится отголосок бальзаковской традиции - идеи «множественности» человеческого вида (общество, по словам Бальзака, создает столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире) [4] и сатирического изображения персонажей. Публицистический и полемический дискурс «Bloc-notes» заимствует из «бестиария» образы-мотивы, связанные с субъективной интенцией творца метафоры, обусловленной как актуальными обстоятельствами, так и системой эталонов, принадлежащих картине мира писателя. Для эстетики Ф. Мориака характерна диалектика «внешнего» и «внутреннего» мира, физической природы и духовной жизни. Хотелось бы обратить внимание на несколько особенностей

природного мира, являющегося важной частью системы образов «Bloc-notes».

Несмотря на присущую «Bloc-notes» «врожденную» полемичность, не все анималистические образы задействованы в соответствующих текстах, т.к. «Bloc-notes» - это не только статьи для *L'Express*, относящиеся к пятидесятым годам XX века. Они охватывают около трети творческой жизни писателя (1952-1970). Анализ более семисот упоминаний животных в тексте произведения показывает, что, по большей части, они встречаются только один раз. Мориак использует зооморфизмы, чтобы описать людей, выдвинутых на передний план событиями, либо тех, кого возвращает ему память. Единичные образы составляют совокупность «мгновенных», «разовых» метафор: писатель-журналист «фиксирует» свой объект через сравнение с животным подобно фотографу, выхватывающему вспышкой моментальную картину, метафоризация идет от природы к человеку. Так, например, писательница Колетт становится для Мориака «толстой пчелой» [З. Т.I. 119], Р. Радиге – «великолепной дрессированной совой, которая, закрыв глаза, неподвижно сидит у барной стойки» [З. Т.III. 345], актеры С. Гитри, Мадам Симон и С. Монфор – «великолепный павлин» [З. Т.I. 343], «фазанья курочка» [З. Т.II. 342] и «тигрица в клетке» [З. Т.I. 299]. Жан Кокто прочно ассоциируется у писателя со стрекозой. Мориак задает себе вопрос: «Почему стрекоза? Почему, говоря о Кокто, я всегда вижу этот твердый панцирь, металлический блеск крыльев, огромные круглые фасетчатые глаза?» [З. Т.III. 335]. Метафоры дают представление о силе и окончательности первого впечатления о человеке, которое писатель не может или не желает сгладить.

В совокупности разовых зооморфных метафор в тексте «Bloc-notes» интересно отметить выбор Мориаком неодинаковых образов для характеристики одного и того же персонажа на разных стадиях его развития. Примером может служить образ Наполеона - сначала молодой Бонапарт описывается как «нескладный жеребенок» [З. Т.IV. 329], который затем превращается в «минотавра, поглощающего миллионы юных созданий» [З. Т.II. 157]. Оказавший на молодого писателя большое влияние М. Баррес в начале своей политической карьеры получает характеристику «маленький сокол». Войдя же во вкус и прочно обосновавшись в парламенте, Баррес становится «карпом, который не может прожить вне мутных вод Бурбонского

дворца» [З. Т.Ш. 165]. Иногда образ рождается из совмещения конкретных, наиболее характерных физических черт человека с животным. Сталин поражает писателя «барсучьими глазками» [З. Т.І. 271], а Кеннеди - «челюстями хищника» [З. Т.Ш. 391]. Но, как правило, Ф. Мориак создает целостный образ человека, раскрывающий его сущность.

В этой системе образов некоторые находки Ф. Мориака получили силу вердикта. Если провести ретроспективный обзор его статей, в первую очередь внимание будет привлечено к тем или иным именам. Мориак умеет подобрать яркие метафоры: правое крыло – «слепой мул» [З. Т.Ш. 36], Четвертая Республика - «диктатура с бычьей головой» [З. Т.І. 63], ее короли - Ланьель, Бидо, Моле, Бурж и консулы - Шуман «тунизийский», Летурно «индокитайский», де Шевинье «мадагаскарский» и другие вассалы «бычьей головы» [З. Т.І. 114]. После падения правительства Ж. Ланьеля писатель, не без гордости, констатирует, что «диктатура бычьей головы вошла в историю символов» [З. Т.І. 105-106]. Можно предполагать, что этот образ возник у писателя как отклик на бодлеровскую формулу «быколобой всемирной глупости» (прим.1) *l'énorme bêtise, la bêtise au front du taureau*, встречающуюся в «Bloc-notes» целых три раза. С уходом правительства Ланьеля с политической арены этот образ не будет больше использоваться писателем, и в этом есть своего рода «исключительная сходимость, взаимная услышанность автора и читателей, взаимодействие журналиста и общественного мнения» [5] - «диктатура бычьей головы» не могла пережить в «Bloc-notes» правление Ж. Ланьеля.

Помимо «редких» животных «Bloc-notes» населяют и те, кто регулярно служит писателю материалом для создания образов. Изучение текста показывает, что наиболее часто Ф. Мориак работает с распространенными, всем известными представителями животного мира - цирковыми или домашними животными, такими как лев, тигр, обезьяна, собака, кошка. Они знакомы читателям, разгадка их образности приводит к эстетическому эффекту. Они широко использовались в 1953-1960 гг., когда писатель находился в гуще политической борьбы, являясь как формой, так и отражением его ангажированности.

В системе постоянных образов «Bloc-notes» находится диалектика отвращения/привлекательность. Для Мориака на первом

месте среди животных, вызывающих неприятие, стоит собака. От животного при создании образа берутся предикаты агрессии – лай, рычание и вой, и сам образ при этом является имплицитным. Собака может и не упоминаться в высказывании, ее присутствие подсказывается характерными для нее угрожающими звуками. Она олицетворяет кровожадность и свирепость, которые нарастают посредством образа своры или стаи. Эти образы повторяются у Мориака, являясь источником параллелей между жестокостью животного и человека. Соответствующие метафоры в тексте основываются на аналогиях с охотой и травлей [6]. Свора, преследующая или окружающая жертву, – «завывающая», «жестокая», «изголодавшаяся», «рычащая». Ее кровожадность акцентируется классическим приемом противопоставления одинокой загнанной жертвы, которую рано или поздно ждет расправа. Мориак сравнивает оппозиционных ему политических журналистов с собакой, которая «с лаем вертится около ног власть имущих, которых она ненавидит, и делает все, чтобы им навредить».

В отличие от нестандартного восприятия образа собаки, упоминания волка, также часто встречающиеся на страницах «Bloc-notes», используются в традиционном, басенном контексте. Среди других животных, вызывающих антипатию писателя, выделяется мул (или осел). Этот образ появляется в мае 1957 г., когда писатель клеймит «мула М.Р.Р» (прим. 2). В этом существе он видит воплощение глупости и ограниченности, проистекающих от всем известного упрямства. Мишенью Мориака становятся правые политические силы, характеризующиеся как «упрямый осел», «слепой мул». В каждой новой статье «Bloc-notes» (весна 1958 г.) он неделя за неделей атаковал М.Р.Р. и все правое крыло, виновных в его глазах в упорном нежелании видеть нарастающую серьезность ситуации во французском Алжире и других колониях. В этом случае при создании образа писатель начал со стереотипного представления о животном, чтобы затем выйти за его пределы и дать ему оригинальную трактовку.

Важное место среди анималистических образов отводится христианской символике, проявляющейся на страницах статей «Bloc-notes» образами агнцев и овец. Частое обращение к ним объясняется всем мировоззрением, воспитанием и верой Мориака [7]. Например, можно увидеть в его статьях устоявшийся образ пастыря и его стада,

который Ф. Мориак использует в публикациях, прослеживающих течение Второго Ватиканского собора, подсказанный ему, очевидно, детским воспоминанием о голосе ландского пастуха, скликающего своих овец: «Фигура (Папы) Иоанна XXIII все больше стирается, и сквозь нее проступает образ Сына Человеческого, зовущего к себе заблудших овец со всех уголков мира. Я вспоминаю гортанный крик старого пастуха, раздававшийся в ландах, шорохи и позвякивание колокольчиков в вечерней дымке» [З. Т.Ш. 243].

Интересно и необычно функционирование образа оленя, являющегося символическим представлением загнанной на охоте жертвы. Образ повторяется на протяжении всех «Bloc-notes» с вариациями, касающимися обстоятельств преследования. Все «жертвы» идущей по пятам своры и охотников вызывают сопереживание Мориака – в разные моменты истории это и политические деятели П. Мендес-Франс, и Ф.Миттеран, и последователи философа Ж. Маритэна. Но никто из них не может спастись. Исключением является лишь генерал де Голль, в неуязвимость которого верит писатель. Говоря о нем, Мориак возрождает старый образ, когда описывает референдум 1962 г. об избрании президента Республики всеобщим голосованием: «гордый олень, преследуемый сворой, бросается в водоем, погружаясь не в мертвую пучину, а в источник жизни: это народ, народ исторический, который не разделяют ни партии, ни фракции, ни классы» [З. Т.Ш. 192].

Другое существо, вызывающее у автора «Bloc-notes» неизменную симпатию, – кошка. В ней собраны качества и черты, которые Мориак очень ценит. Главным из них является независимость. Сознательно или бессознательно он противопоставляет ее собаке, в его глазах кошка заставляет себя уважать, но добивается этого, не следуя закону джунглей, существующему в политике. Кошка «бродит сама по себе» и сохраняет свободную волю. Симптоматично, что в «Bloc-notes» писатель несколько раз ассоциирует себя со «старой кошкой»: «Я чувствую себя подобно старой осторожной кошке, сидящей на самом краю кухонной печи, наблюдая за тем, что готовится в разных кастрюлях» [З. Т.Ш. 308]. Осторожность, мудрость, здравый смысл, присущие ей, являются в высшей степени позитивными качествами, которые могут поставить даже беспородную кошку в один ряд с

выдающимися ловкачами. «Старая кошка» может без страха «пошалить на крыше»: «Уже больше, чем полвека, как она каждый раз приземляется на все лапы» [З. Т.П. 200-201]. Однако, традиционному образу кошки присуща черта, которая расходится с концепцией морали и политики Ф. Мориака – коварство. Сознавая несоответствие, он пытается убрать негативную сторону этого качества из образов «Bloc-notes», например, представляя генерала де Голля укротителем мышей.

Наряду с кошкой еще один образ-мотив, ассоциируемый у Мориака со свободой, - лошадь. Он акцентирует такие черты животного как резвость, стремление к простору, описывая труд журналиста как необходимость «поймать событие на ходу, ухватившись за гриву, и писать с такой же скоростью, с которой совершается история» (*L'Express*, 15 oct. 1955). Себя писатель-журналист, пришедший в политику на склоне лет, имея за плечами богатейший опыт и заслуги, видит как «старого коня, сорвавшегося с привязи»: «Я сбросил хомут. Старый конь, фыркая, мчится в луга. Больше вы его не запряжете в телегу» [З. Т.П. 150]. Свобода, данная почтенным возрастом и репутацией известного писателя, позволяет ему нарушать ранее установленные запреты.

Во многих статьях Ф. Мориак упоминает птиц. Интересно отметить, что часто они не становятся объектами метафоры. Образы-мотивы птиц в «Bloc-notes» «оказывают фокусирующее воздействие на другие элементы текста» (Б.М. Гаспаров). Их помещение в статью, как правило, обусловлено ностальгией Ф. Мориака по детским годам и малой родине, которая противопоставляется актуальности, наполненной борьбой, конфликтами и несправедливостью. Мориак часто говорит, что ему хотелось бы уйти в мир литературы и музыки и забыть о политике. Иногда он поддается этому желанию, но перед читателями однозначно выступает с позиций ангажированности и разъясняет причины своего участия в событиях в очередной статье, рассказывающей о пребывании в Малагаре: «Я решил убежать от политики на четыре недели. Но ставить пластинки в перерыве между книгами, прислушиваться к первым соловьям ... было бы слишком просто. Всю жизнь я лелеял эту мечту. Но, кажется, цепь, приковывающую нас к бедам и несчастьям мира, невозможно разрубить». С грустной иронией писатель-журналист констатирует, что в современном ему мире нет места спокойствию и безмятежности:

«Как-то в Малагаре, когда я из кожи вон лез, чтобы придумать сюжет для статьи, дети подсказали мне написать о «птичках», как я делал почти каждый год к большой радости той части моих читателей, чья душа любит буколику и пастораль. Сейчас, золотым октябрьским вечером, птички меня больше не вдохновляют... Правда в том, что я продолжаю переживать внутри себя то, что происходит в столице, и не могу отвлечься никаким чтением. Какой вымысел способен восторжествовать над реальной борьбой людей?» [З. Т.І. 205].

В «бестиарии» «Bloc-notes» есть образы, оценка которых писателем неоднозначна. Примером являются упоминания о пауках. Позитивным является сравнение литератора с пауком: «если он (писатель) ... работает один и, подобно пауку, вытягивает все из себя самого» [З. Т.І. 191]. Сравнение с пауками Л. Толстого и Б. Констана акцентирует терпение и мастерство – качества, свойственные стереотипному образу этого существа. В то же время в «Bloc-notes» появляется и развивается и другой предикат образа – ловушка, смертельная сеть. Метафора используется сначала для описания ультраправой партии O.A.S.: «Свастику снова рисуют на стенах: мы видим раздувшегося от крови паука, голодавшего двадцать лет» [З. Т.ІІ. 155]; затем образ возвращается при упоминании Мориакком периода Оккупации, когда над площадью Согласия «развевался флаг с черным пауком».

Этот и предыдущие примеры иллюстрируют фундаментальный закон природы, согласно которому все существа пожирают друг друга. Люди-звери, противостоящие друг другу в «Bloc-notes», действуют по закону джунглей [8]. Однако, в отличие от животных, у которых «не бывает внутренней борьбы, ...люди тоже преследуют друг друга, но большее или меньшее наличие разума приводит к гораздо более сложной борьбе» [4]. Мориак отвергает такие правила, «состояние повреждения и греха» (Б. Паскаль), говоря об их губительных последствиях. Всех живых существ, победителей и побежденных, охотников или жертв ждет смерть – неизбежный конец, перед которым все равны. Поэтому в «бестиарии» «Bloc-notes» даже самые жестокие персонажи заслуживают жалости перед лицом ожидающих их страданий. Невозможно представить себе, как живые существа смогут спастись от закона «взаимного пожирания»: в этой иерархии человек не более, чем одно из звеньев цепи. Но такое пессимистическое видение противоречит самой ангажированности

писателя, о чем он заявляет в концептуальном публицистическом произведении «Черная тетрадь» (1943 г.): «Мы из числа тех, кто верит, что человек может победить закон взаимного пожирания... Разве на протяжении веков не бывало случаев, чтобы одним-единственным актом милосердия разбивалась бесконечная цепь хищников и жертв?..»[9]. Эта вера – суть мировосприятия Мориака, то, ради чего он становится публицистом. В мире, живущем по закону джунглей, полемика становится необходимостью, а противостояние «прорыву Животности в Человечность» [4] - важнейшим долгом журналиста. Политическая реальность дает ему возможность показать, что нас окружают хищники и жертвы, преследователи и добыча. Христианин не может закрывать глаза на конфликты, где моралью пренебрегают. Мориак, соглашаясь с диалектикой Паскаля, указывает человеку на сходство с животными и, вместе с тем, обращает внимание на его величие. Он становится полемистом и черпает из своего «бестиария» образы, которые несут не только эстетическую, но и этико-моральную нагрузку, являясь его единственным инструментом борьбы с злом и хаосом, шевелящимся в природной стихии и в душе [10].

Примечания

1. Перевод В.Левика
2. Народно-республиканское движение (Mouvement Républicain Populaire - M.R.P) – французская буржуазная католическая партия (1944-1967). Образована в ноябре 1944 из социал-христианских групп деятелями правого крыла Движения Сопротивления. В 1944-46 гг., в обстановке подъема демократического движения, M.R.P. участвовала в мероприятиях по чистке государственных органов от коллаборационистов, в проведении ряда демократических реформ, одобряла союз Франции с СССР, участвовала в правительственной коалиции вместе с коммунистами и социалистами. Связанное с колониалистскими кругами руководство M.R.P. содействовало развязыванию войны в Индокитае, выступало против национально-освободительных движений в колониях.

Библиографический список

1. Touzot J. Bestiaire romanesque et faune politique // *Connaissance des Hommes* # 46. Paris, 1972. P. 14-17.

2. Паскаль Б. Мысли. PRO и CONTRA // Электронный ресурс Интернет: <http://vzms.org/pascal.htm>
3. Mauriac F. Bloc-notes. [ed.] Jean Touzot. Paris: Seuil, collection «Points», 1993. Tome. I-V.
4. Бальзак О. Предисловие к «Человеческой комедии» (перев. К.Локс) // Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов. М., 1990. С. 119-133.
5. Cocula V. Mauriac écrivain et journaliste. Editions Sud Ouest, 2006. P.106.
6. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С.173-203.
7. Cocula V. Mauriac, le Bloc-notes. L'Esprit du Temps, 1995. P.156.
8. Cocula V. Aux sources de la polémique chez François Mauriac: la loi de l'entre-dévorement // Cahiers François Mauriac # 8. Paris: Grasset, 1981. P.269-287.
9. Mauriac F. Le Cahier noir. Paris, 1947. P. 31-32.
10. Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20-30-е. Проблемы жанра). Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977. С. 50.

Сведения об авторе

Воронина Елена Анатольевна
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры иностранных языков
Высшей школы экономики
E-mail: elena_voronina@msn.com